

Дмитрий GOBLIN Пучков
КАТЕГОРИЧЕСКИ РЕКОМЕНДУЕТ

Николас Пиледжи

CASINO

ЛЮБОВЬ И ВЛАСТЬ В ЛАС-ВЕГАСЕ

A black and white portrait of Nicolas Pileggi, an older man with glasses, a beard, and a serious expression. He is wearing a dark suit jacket over a white shirt. His hands are clasped in front of his chin, holding a thick metal chain with a large, ornate clasp. He is also wearing a ring on his finger and a watch on his wrist.

РИСК, АЗАРТ, ИСКУШЕНИЕ

ЧИТАЙТЕ КНИГУ – СМОТРИТЕ ФИЛЬМ В ПРАВИЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ!

Николас Пиледжи

**Казино. Любовь и власть в Лас-
Вегасе. Риск, азарт, искушение**

«Питер»

1995

УДК 821(73)
ББК 84(7Coe)6

Пиледжи Н.

Казино. Любовь и власть в Лас-Вегасе. Риск, азарт, искушение /
Н. Пиледжи — «Питер», 1995

ISBN 978-5-4461-0978-4

В 1970-х годах Фрэнк «Левша» Розенталь был одним из самых влиятельных и противоречивых людей в Лас-Вегасе. Он отвечал за крупнейшие казино Невады и стал известен как успешный менеджер-новатор, который создал индустрию букмекеров в Вегасе. Он был игроком до мозга костей. Человеком, устанавливающим коэффициенты. Хозяином роскошного дома за миллион долларов, мужем сногшибательной танцовщицы. Все должно было сложиться идеально. Но десятью годами позже автомобиль Фрэнка взлетел на воздух, а сам он едва уцелел. Подозреваемым в организации покушения стал ближайший друг Розенталя, Тони Спилотро. Как же всего за пару лет ситуация так изменилась? «Пиледжи выдает очередную порцию захватывающих криминальных походов из истории Синдиката. Как и Генри Хилл в «Славных Парнях», Левша Розенталь без купюр и во всех подробностях рассказывает Пиледжи о карьере, построенной в условиях безграничной и многоуровневой коррупции. Зачем вообще нужны детективные романы, когда есть Пиледжи с его увлекательной документальной литературой?» – Booklist. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821(73)
ББК 84(7Coe)6

ISBN 978-5-4461-0978-4

© Пиледжи Н., 1995

© Питер, 1995

Содержание

Отзывы о бестселлерах Николаса Пиледжи и его непревзойденных гангстерских хрониках	7
Предисловие к русскому изданию	9
Благодарности	11
Вступление	12
Часть I	16
1	16
2	21
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николас Пиледжи

Казино. Любовь и власть в Лас-Вегасе

Посвящается Норе

NICHOLAS PILEGGI
CASINO
LOVE AND HONOR IN LAS VEGAS

© 1995 by Pileggi Literary Properties, Inc.

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2021

© Перевод на русский язык под редакцией Дмитрия Пучкова, 2020

© Олег Зотов, фотограф, 2020

Отзывы о бестселлерах Николаса Пиледжи и его непревзойденных гангстерских хрониках

*«Стардаст»... «Тропикана»...
Они управляли этими казино.
И натворили дел.*

Казино

ШЕДЕВРАЛЬНО. <...> Пиледжи выдает очередную порцию захватывающих криминальных походов из истории Синдиката. <...> Как и Генри Хилл в «Славных парнях», Левша Розенталь без купюр и во всех подробностях рассказывает Пиледжи о карьере, построенной в условиях безграничной и многоуровневой коррупции. <...> **ЗАЧЕМ ВООБЩЕ НУЖНЫ ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ, КОГДА ЕСТЬ ПИЛЕДЖИ С ЕГО УВЛЕКАТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ?**

Booklist

Семьи, жены, девочки, наркотики, выплаты, выигрыши, расплата, тюремное заключение и федералы. Это была жизнь, которую он знал.

Славные парни

Увлекательно, временами забавно, но постоянно держит в напряжении. <...> «Славные парни» – это высший класс.

Detroit Free Press

Быстрое, бескомпромиссное, живое, пронизательное повествование, которое превращает личности гангстеров из прошлого в мифические действующие лица романа уровня Марио Пьюзо <...> единственная книга из раздела документальной литературы, от которой мне было не оторваться.

The Philadelphia Inquirer

Еще несколько отзывов о «Славных парнях»

Пиледжи рассказывает обо всем без прикрас. <...> Леденящая душу история о гнилой человеческой сущности играет еще более яркими красками благодаря сдержанной форме повествования.

People

Захватывает с первых строк <...> цинизм, жестокость, жадность, беззаконие <...> Показания Хилла звучат крайне правдоподобно.

The Washington Post Book World

Генри Хилл без усталости сыпет грязными воспоминаниями <...> такого неприкрытого реализма мы не видели со времен «Записок Валачи».

The Sun (Балтимор)

Даже если наши книги о мафии сидят у вас печенках, от истории Николаса Пиледжи о мелкой сошке у вас глаза на лоб полезут. <...> Невероятное умение преподносить факты.

Newsweek

Одним из лучших моментов «Славных парней» является подробное описание дела 1978 года, когда из офиса авиакомпании «Люфтганза» в аэропорту имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке вынесли около 6 миллионов долларов наличными и украшениями. <...> Подробный рассказ самого Хилла о том, как он выбивал себе место под солнцем, воруя, давая взятки и плетя интриги.

The Wall Street Journal

Захватывающая книга.

Марио Пьюзо

Суровая правда, от страданий гангстеров, приговоренных к смертной казни, до скандальных разговоров в федеральных изоляторах, напоминающих загородные клубы.

The Los Angeles Herald Examiner

Настоящее олицетворение всего криминала <...> книга «Славные парни» слишком близка к ужасающей реальности.

Time

После прочтения «Славных парней» Николаса Пиледжи хочется переосмыслить свои представления о гангстерах <...> исчерпывающий рассказ от первого лица о жизни бандита, который нарушает закон так же легко, как дышит.

Бенджамин Брэдли

Пиледжи приподнял залежавшийся камень под названием «организованная преступность», откуда вылезли вещи, заставившие читателей замереть в ужасающем и одновременно интригующем оцепенении.

Detroit Free Press

«Славные парни» открывают дверь в неизведанный мир <...> переполненный яркими, реальными и захватывающими деталями <...> В «Славных парнях» можно почерпнуть больше информации о человеческих слабостях – к которым в книге относятся с сочувствием, – чем в дюжине гангстерских романов. Герои повествования прочно засели у меня в голове, и я еще долгое время не смогу их выкинуть оттуда <...> интригующе и захватывающе.

Роберт А. Каро

Предисловие к русскому изданию

Каждый половозрелый гражданин уверенно помнит, как в 1990-х и в начале 2000-х во всех городах России сверкали и переливались ядреными цветами вывески казино. В жилых домах и в продуктовых магазинах стояли «однорукие бандиты», которых уставшие отцы семейства по вечерам кормили своей тяжело добытой зарплатой. Мне это удовольствие не понятно категорически. Я ни во что не играю, даже в бильярд. Я нервный, я каждый раз будто корову проигрываю.

У нас уже лет десять как казино завели под крышу государства, и наша организованная преступность вынуждена заниматься совсем другим. Тем интереснее для нас мир американского казино, изобретательный и беспощадный, о котором подробно рассказано в этой книге.

Николас Пиледжи, американский журналист итальянского происхождения, автор книги «Славные парни» (в моем переводе «Правильные пацаны»), наткнулся на сюжет для «Казино» в газете Las Vegas Sun за 1980 год. В заметке рассказывали о разводе Фрэнка Левши Розенталя, крупной фигуры в игорном бизнесе, с его женой Джери МакГи, в прошлом стриптизершей. История заинтересовала Пиледжи тем, что развратная супруга подставила талантливого махинатора, вследствие чего красивая афера по изъятию денег из профсоюзов и вложению их в казино была изобличена оперативниками ФБР.

Для граждан, неискушенных в бандитских ухищрениях, замечу, что все профсоюзы в Соединительных Штатах Америки контролируют итальянские уголовники. Члены профсоюзов платят взносы, а это – гигантские деньги, которые можно умело вкладывать в самые разные предприятия, это раз. А во-вторых, это средство давления на легальный бизнес, метод отжимания денег с помощью забастовок. Например, если прекратить вывоз мусора – город мгновенно задохнется в помоях. И это тоже рычаг воздействия. Ну а дальше – круговорот воды в природе. Берем деньги у профсоюзов и строим казино, в казино ловко ворует деньги, а украденные деньги еще более ловко вкладываем во вполне легальный бизнес. Вот так организован бизнес в США.

Деньги в казино воруют все. В книжке это показано гораздо подробнее, чем в фильме. Ворует крупье, который спихивает поставленную наличность в дырку в столе. Деньги через дырку падают в боксик. Когда боксик вынимают и несут в счетную комнату, охранники в лифте стремительно открывают крышки, хватают сколько могут, пихают по карманам и сдают оставшееся в счетную комнату. Там за дело берутся следующие специалисты... И методы у всех настолько примитивные, что местами становится даже как-то неловко. Например, монетки из «одноруких бандитов» не пересчитывают, а взвешивают. Так вот весы, на которые прямо из ведра высыпают монеты, подкручены на 30 % в «минус». И как вы понимаете, игровая комиссия, то есть проверяющие органы, при всем этом безобразии присутствует, но делает вид, что ничего не видит. Не потому, что туда набирают слепых, а потому что им за это платят. Ну а так коррупции в США, как известно, нет. Там все по-честному.

Вот с такой замечательной историей Николас Пиледжи пришел к Мартину Скорсезе. И за пять месяцев они написали сценарий великого фильма «Казино», после проката которого вышла одноименная документальная книга. О чем же в ней речь?

Исключительно профессиональному игроку в азартные игры – Фрэнку Розенталю по кличке Левша дают в управление солидное казино в Вегасе. Выдают люди непростые – боссы чикагской мафии, которые сами светиться не желают и назначают управляющим Фрэнка. В помощники к Фрэнку приставляют свирепого уголовника по имени Энтони Спилотро, кличка Муравей. Ну, чтобы паренек решал возникающие вопросы. Толковый Тони не только решает вопросы для Фрэнка, но и активно занимается уголовщиной на стороне.

Спилотро хочет покорять новые высоты, получать больше власти, но это не вяжется с работой в казино, ибо Тони привычно уходит в откровенный криминал, а это привлекает ненужное внимание со стороны местных органов.

Тем временем Фрэнк проникается животной страстью к элитной проститутке по имени Джери МакГи. Джери невероятно хороша, однако, как и все профессионалки, имеет ряд неисправимых недостатков, с которыми Фрэнк до поры готов мириться.

Через некоторое время из-за постоянных проблем с криминалом Тони Спилотро запрещают вход в казино. И не только в казино под управлением Фрэнка, а вообще во все игорные заведения – как бы намекая, что ему больше нет места в Вегасе. Но наглый как обезьяна Спилотро тупо игнорирует все запреты и превращается в серьезную проблему даже для своих чикагских боссов.

Ну а дальше – читайте сами. Одно скажу, «Казино» – редкий случай, когда книжку смело можно читать после просмотра фильма (в правильном переводе Гоблина, разумеется), и это нисколько не испортит впечатление.

К прочтению настоятельно рекомендую.

Дмитрий Goblin Пучков

Благодарности

Мне бы хотелось выразить свою признательность и благодарность нескольким сотням людей, которые помогли мне при создании этой книги. Отдельное спасибо я хочу сказать Джин Штролейн, Мерту Уилбуру, Деннису Арнольди, Джеку Тобину, Джозефу Джерски, Мюррею Эренбергу, Уолли Гордону, Оскару Гудману, Эмметту Майклсу, Майку Саймону, Уильяму Оусли, Бадю Холлу, Бо Диетлу, Бичеру Авантсу, Джефффри Сильверу, Марти Джейкобсу, Майку Рейнольдсу, Джеффу Джерману, Эду Бекеру, А. Д. Хопкинсу, Джиму Неффу, Филу Ханнифину, Шеннону Байби, Лему Банкеру, Дику Одесски, Аллену Глику, Мэтту Маркусу, Ричарду Крэйну, Лорен Стивен, Рассу Чилдерсу, Джеку Робертсу, Брайану и Мире Гринспун, Анджеле Рич, Мэн-ни Кортесу, Дугласу Оуенсу, Фрэнку Куллотте, Рэю ЛеНобелю, Мелиссе Профет, Лоуэллу Бергману, Томми Скальфаро, Тиму Гейдеру, Скотту Малоуне, Эллен Льюис, Кристине Ребело, Джоуи Бостону, Джоржду Хартману, Бобби Каю, Биллу Бастоне, Кенни Брауну, Бобу Вануччи, Клодетт Миллер, Виктору Грегору, Арлин Брикман, Джону Манке, Бадди Клару, Джо Коффе, Дону Фьюри, Джо Спинелли, Филу Тэйлору, Розали ДиБлазио, Говарду Шварцу, Бобу Столдалю, Ли Ричу, Ширли Штролейн и, конечно, Фрэнку Розенталю.

Вступление

Почему моя тачка горит?

«Я только поужинал и сел в свою машину, – рассказывал Фрэнк Розенталь. – Не помню, включил зажигание или нет, но следующим, что я увидел, были маленькие язычки пламени. Пять-семь сантиметров в высоту. Они вырывались из отверстий обдува лобового стекла. Без единого звука. Я видел только отражение пламени в лобовом стекле. Помню, подумал: “Почему моя тачка горит?” А потом огонь стал разрастаться.

Должно быть, меня как следует тряхануло об руль, потому что я ушиб ребра. Ничего этого не помню. Я думал только о том, что машина неисправна.

Я не запаниковал. Знал, что мне нужно выбраться из машины. Убраться подальше от пламени. Позвонить механику. Я потянулся к ручке двери. И чуть не обжег себе руку. Между сиденьем и дверью полыхал огонь. Тогда я точно понял, что либо выберусь из тачки, либо больше никогда не увижу своих детей. Я схватил ручку правой рукой и одновременно толкнул дверь плечом. Сработало.

Я вывалился на асфальт. Пламя бушевало вокруг. На мне тлела одежда. Я горел. Катался по асфальту, пока не сбил пламя.

Двое мужчин помогли мне подняться и увели от машины метров на шесть-девять. Просили меня присесть, но я не хотел. Продолжал повторять, что в порядке. Наконец, им удалось убедить меня, и только я опустился на асфальт, как тут же будто атомная бомба взорвалась. Я увидел, как машина подпрыгнула в воздух на полметра, а языки пламени, вылезшие через крышу, взлетели на высоту третьего этажа.

И тут я наконец понял, что это не просто несчастный случай. Я решил, что кто-то заложил в тачку бомбу».

* * *

До четвертого октября 1982 года – до того, как его автомобиль взорвали на Ист-Сахара-авеню, прямо у ресторана «Мари Каллендер», Фрэнк «Левша» Розенталь был одним из самых влиятельных и противоречивых людей в Лас-Вегасе. Он отвечал за крупнейшие казино Невады. Он стал известен как человек, который развернул бурную деятельность букмекеров в Вегасе и вошел в анналы местной истории родоначальником индустрии. Он был игроком до мозга костей. Человеком, устанавливающим коэффициенты. Перфекционистом, который однажды озадачил поваров в отеле «Стардаст» требованием класть не меньше десяти ягод в каждый черничный кекс.

Фрэнк Розенталь всю жизнь был вынужден уклоняться от опасностей. Он начал работать на чикагских игроков и гангстеров в том возрасте, когда еще не имел права голосовать. По правде говоря, до начала работы в казино в 1971 году у Левши была лишь одна официальная работа – он служил военным полицейским в Корее с 1956 по 1958 год. В 1961 году, когда в 31 год он предстал перед комитетом Конгресса в Вашингтоне, расследовавшим связи мафии с азартными играми, он воспользовался Пятой поправкой¹ тридцать семь раз. Отказался даже отвечать на вопрос, является ли левшой, хотя получил прозвище именно за эту свою особенность. Спустя несколько лет он заявил об *отказе оспаривать обвинение* в подкупе университетского игрока из Северной Каролины, но и вину не признал. Во Флориде ему было запрещено

¹ Пятая поправка в «Билле о правах» США гарантирует гражданину право не свидетельствовать против себя. (Здесь и далее – *примеч. пер.*)

посещать ипподромы и собачьи бега из-за подозрений в даче взяток полиции Майами-Бич. А в 1969 году Министерство юстиции предъявило ему и дюжине других крупнейших букмекеров страны обвинения по делу о межштатных спекуляциях и сговоре с целью рэкета. Дело растянулось на несколько лет и закончилось только когда адвокат Левши добился отклонения иска, поскольку Джон Митчелл, тогдашний прокурор штата, не поставил свою подпись под приказами о прослушке телефонов обвиняемых, как того требовал закон. В день подписания приказов Митчелл был на поле для гольфа и велел помощнику подделать подпись.

Фрэнк Розенталь приехал в Лас-Вегас в 1968 году с той же целью, что и многие американцы – сбежать от прошлого. Лас-Вегас был городом без памяти. Это было место, куда ехали за вторым шансом. Сюда отправлялись после разводов, банкротств и даже после отсидки в окружной тюрьме. Лас-Вегас стал конечной точкой маршрута для всех, кто готов был проехать полстраны в поисках автомойки, способной отмыть грязь с «морального облика».

А еще здесь можно было подзаработать – эдакий богатенький Лурд², где пилигримы отбрасывали душевные костыли и начинали жизнь с чистого листа. Это был оазис в пустыне – американский город-мираж – единственное место, где простой смертный имел шанс на чудо. Шансы неравны? Да! Но для всех, кто отправлялся жить в Лас-Вегас или просто приезжал погостить, шансы были значительно выше, чем дома.

Это было волшебное место, неоновая столица мира. К началу семидесятых клеймо мафиозной обители начало постепенно стираться, и казалось, что предела для развития города не существует. В конце концов, Багси Сигел³ погиб еще в 1947 году. И убили его даже не в Лас-Вегасе. Его застрелили в месте, которое все знают благодаря почтовому индексу – 90 210, Беверли-Хиллз.

К началу семидесятых Лас-Вегас развивался столь феноменальными темпами, что стал слишком большим для того, чтобы им управляла – или имела на него хоть какое-то влияние – какая-либо группа людей с акцентами и перстнями на мизинцах. Такие монстры бизнеса, как «Шератон», «Хилтон» и «Эм-Джи-Эм», наряду с инвестиционными банкирами с Уолл-стрит и Майклом Милкеном из «Дрексель Бернэм Ламберт», были крайне заинтересованы в городе. Вложенные деньги уже начали превращать изначально негостеприимный, не готовый к развитию, разваливающийся, заплесневелый городок, находящийся в богом забытой восточной части пустыни Мохаве, в самый быстроразвивающийся город США. С 1970 по 1980 год число людей, въехавших в город, удвоилось и составило 11 041 524 человека, а количество денег, которое гости оставили в городе, выросло на 273,6 %, составив 4,7 миллиарда долларов. Сердцем роста, ясное дело, стали казино, и к 1993 году посетители отдали городской казне 15,1 миллиарда долларов.

Казино – это математический дворец, созданный для того, чтобы разлучить игрока с его деньгами. Малейшая доля каждой ставки, принимаемой в казино, рассчитана так, чтобы максимально увеличить прибыль заведения, оставляя игрокам иллюзию шанса.

Казино – это наличка. Деньги стали кровью, которая оживляет всё: от игровых автоматов со ставкой в пятицентовик до навороченных супермашин на пятьсот долларов. Казино – это какофония денег. От шумного водопада серебряных монет, которые с грохотом сыплются в металлический поднос, до колокольчиков, звонков и вспышек, кричащих о ежеминутных выигрышах – в игровом зале правят деньги. Обычные деловые принципы фидуциарной ответственности и учета денежных средств рушатся под горами банкнот и серебряных монет, потоком идущих в казино.

² Лурд – город на юго-западе Франции. Он известен во всем мире благодаря Санктуарию, который ежегодно посещает несколько миллионов католических паломников.

³ Бенджамин Сигельбаум по прозвищу Багси Сигел – известный американский гангстер еврейского происхождения.

Пожалуй, в целом мире не найдется второго такого бизнеса, где ежедневно проходит столько наличных через уйму людей и под такой охраной. Перед тем как отойти от стола, дилер должен похлопать руками на камеру – так он показывает, что не пытается унести с собой фишки. Маленькие фартуки, которые надевают дилеры, предназначены для того, чтобы прикрывать карманы – так их не наполнить. Дилер должен громко сообщать о каждой столларовой купюре, которую обменивают на фишки, чтобы распорядитель мог проследить, как банкнота проскальзывает в прорезь узкого ящика для денег, проталкиваемая металлической лопаткой.

Не важно насколько загружен стол для игры в крэпс или рулетку, фишки должны быть разложены по цвету в одинаковые столбики, чтобы упростить практически непрерывный подсчет, который ведут контролеры. А дилеры на блэкджеке должны уметь прикрывать карты от наблюдателей, чтобы игроки, состоящие в сговоре, не меняли «картинки» (подбирали карты) и не обыгрывали казино. Опытный крупье за столом для игры в крэпс научен никогда не упускать из виду кубики, особенно в тех случаях, когда шумный пьянчуга на другом конце стола проливает свой стакан на сукно, роняет фишки на пол и замахивается на жену. В такие фотографические моменты в игру и вкидывают фальшивые кубики. Вот что приводит всех в этого город – желание обыграть казино. За счет невероятного везения или при помощи хитроумных мошеннических схем. Стремление всеми правдами и неправдами стать победителем в Лас-Вегасе превратилось в отдельную форму искусства.

Разумеется, масштабные ограбления казино не имеют никакого отношения к игрокам-жуликам или бесчестным крупье. Большинство крупных краж происходит даже не в зале. Хищения совершаются за закрытыми дверями, в святой святых, важнейшей и самой охраняемой части казино – заветных счетных комнатах, куда стекаются деньги с сотен игровых столов и автоматов.

В счетной комнате обычно нет окон, двери закрываются на двойные запоры, а обставлена она лишь самым необходимым – секретарскими стульями с прямой спинкой и пластиковыми столами. Стеллажи и пол там из армированной стали, чтобы выдержать тонны монет и пачек банкнот, которые каждый день пересчитывают; в этой комнате опустошаются сотни надежно запертых металлических ящиков из-под игровых столов; купюры в десять, двадцать и сто долларов складываются в стопки по десять тысяч, толщиной в три сантиметра, а в особо людные дни их выстраивают у стены столбиками высотой в человеческий рост.

В счетные комнаты не забегают случайные воры. Краденые деньги спокойно выносят под камерами наблюдения, невзирая на то, что охранники проверяют всех на входе и выходе. В комнате может находиться строго ограниченное количество людей (по закону штата находиться там запрещено даже владельцам казино), каждый доллар из ящика для денег должен быть учтен, а ведомость смены с расшифровкой должна быть подписана как минимум двумя или тремя независимыми клерками или распорядителями.

Сотрудники счетных комнат рассказывают о своей работе с остекленевшим взглядом людей, которые каждый день должны быть морально готовы к сводящему с ума виду, запаху и ощущению денег. Тонны денег. Пачки денег. Куча наличных и ящиков с монетами, таких тяжелых, что по комнате их приходится передвигать с помощью гидроподъемника.

Как каждый день в счетную комнату поступает столько купюр, что их просто раскладывают по номиналу и взвешивают. Миллион долларов столларовыми купюрами весит 9,3 килограмма, миллион двадцатками – это 46,3 килограмма, а пятерками – 185.

Монеты попадают на специальные весы «Толедо» от компании «Рилайнс Электрик». Когда Левша заправлял «Стардастом», основной была модель 8140 – она умела сортировать и считать монеты. Миллион долларов четвертаками весит 21 тонну.

Мечта многих людей, которые оказываются у руля казино, или просто там работают – разгадать, как перехватить добычу до ее попадания в счетную комнату. На протяжении многих лет эти методы принимали самые разные формы: владельцы пытались добыть ключи от ящиков, рядовые служащие набивали карманы деньгами до того, как их начнут считать. Существуют и более сложные способы: неправильно заполненные дилерские талоны или специально откалиброванные весы, показывающие лишь одну треть веса от выручки, поступающей в счетную комнату. Системы обмана казино столь же разнообразны, как и умельцы, которые их используют.

В 1974 году, всего через шесть лет после прибытия в Лас-Вегас, Фрэнку Розенталю удалось получить от города именно то, чего он хотел – новую жизнь. Он управлял четырьмя казино Вегаса. Женился на сногшибательной бывшей танцовщице Джери Макги. Вместе с двумя детьми они поселились в доме за миллион долларов с видом на четырнадцатую лунку на поле для гольфа загородного клуба Лас-Вегаса. У них был личный бассейн и горничная. Шкаф в спальне насчитывал порядка двух сотен шелковых, хлопковых и льняных брюк – в основном пастельных тонов – которые специально шили портные, выписанные из Беверли-Хиллз и Чикаго. Он был главным в «Стардасте», и очень скоро весь штат Невада знал о его репутации успешного менеджера-новатора. Он относил себя к элитной группе импресарио казино, распорядителей пенсионного фонда профсоюзов, инвестиционных банкиров и политиков Невады, которые собирались превратить Лас-Вегас из города с ковбойскими и гангстерскими корнями в парк развлечений для взрослых с оборотом 30 миллиардов в год, которым он в итоге и стал. Все должно было сложиться идеально.

Но десятью годами позже Фрэнк Розенталь попал под следствие как человек синдиката и подозреваемый в организации многомиллионной схемы вывода неучтенных денег. Его лишили лицензии на управление казино, и он стал ведущим комедийного ток-шоу, которое скромно назвал *«Шоу Фрэнка Розенталья»*. Его подозревали в преступном сговоре с Энтони «Муравьем Тони» Спилотро – его другом детства, – который, по словам ФБР, был главной физической силой мафии в городе и гангстером, которому приписывали как минимум дюжину убийств. На момент покушения на Левшу Спилотро вместе с остальными восемью членами своей банды обвинялся в вымогательстве, ростовщичестве и сбыте краденого через свой ювелирный магазин на Лас-Вегас-Стрип⁴. Он также был главным подозреваемым в покушении на убийство Левши, и на то у него имелся мотив – роман с женой Розенталья. Ну, может, и не роман – лишь малая часть происходящего в Вегасе имела хоть какое-то отношение к любви, – но интрижка была, и агенты ФБР, которым был дан приказ следить за Спилотро, узнали о ней и сделали достоянием общественности.

Как же всего за пару лет ситуация могла так измениться? Этим вопросом задавался не только Левша, но и боссы синдиката, которые поставили его спокойно управлять казино. Но Левша поверг все в хаос. Вместо того чтобы проложить тихую тропу в новый Лас-Вегас, Левша и его дружок Спилотро устроили такой бардак и спровоцировали столько проверок, что их семидесятилетние боссы из Чикаго, Канзас-Сити и Милуоки не смогли незаметно уйти на покой с миллионами насиженных и ворованных денег – после всех событий они рисковали провести остаток жизни в тюрьме.

Никто не ожидал такого конца. Как же все удачно складывалось! Все было на своих местах. Это было даже лучше ставки один к одному. Это было беспроеигрышное пари. И вот, восемь лет спустя вся затея взлетела на воздух на парковке у Ист-Сахара-авеню.

⁴ Лас-Вегас-Стрип (Стрип) – примерно семикилометровый участок бульвара Лас-Вегас в округе Кларк штата Невада.

Часть I

Ставка на проходную линию

1

Парни думали, что я Мессия

Левша Розенталь не верил в удачу. Он верил в шансы. В числа. В вероятности. В математику. В статистику спортивных команд, которую он выписывал на карточки и анализировал. Он верил, что игры договорные, а арбитров и судей можно купить. Он знал баскетболистов, тренировавшихся каждый день часами бросать мяч мимо корзины, и знал игроков, которые ставили на средние значения в диапазоне исходов, получая десятипроцентную прибыль. Он верил, что одни спортсмены изображают ленивых, а другие больных. Верил в существование череды побед и череды поражений; верил в ставки на разницу в счете, в безлимитные ставки и в карточных мастеров, которые были настолько хороши в своем деле, что могли раздать карты, не надорвав целлофан на упаковке. Короче говоря, когда речь заходила об азартных играх, Левша верил во все, кроме удачи. Удача была потенциальным врагом. Искусительницей, отвлекающей от фактов своим развратным шепотом. Левша рано смекнул, что если он хочет отточить мастерство и стать профессиональным игроком, то ему нужно исключить из процесса даже малейшую мысль об удаче.

Фрэнк «Левша» Розенталь родился 12 июня 1929 года, всего за несколько месяцев до биржевого краха. Он вырос на западной стороне Чикаго, в старомодном криминальном районе, где букмекерские конторы, продажные копы, нечистые на руку члены городского управления и заткнутые рты были нормой жизни.

«Мой отец был промышленным оптовиком, – говорил Розенталь. – Управленец. Дружил с цифрами. Умный. Успешный. Мать была домохозяйкой. Я рос, читая программы скачек. От корки до корки. Все, что было в программе, я знал наизусть. Я читал ее прямо в классе. Я был высоким, худым, застенчивым пареньком. Замкнутый ребенок ростом метр восемьдесят. Я был одиночкой, а лошадиные бега были моей страстью.

У отца были свои лошади, и почти все время я торчал с ним на ипподроме. Я жил на ипподроме. Работал на конюшне. Был конюхом. Болтался вокруг трека. Убирал навоз. Я приезжал туда к половине пятого утра. Я стал частью конюшни. Я начал появляться там в возрасте тринадцати-четырнадцати лет. Я был сыном хозяина. Никто меня не доставал.

Дома я стал чувствовать напряжение, когда начал делать ставки на спорт. Мать знала, чем я занят, и не одобряла этого, но я был упрямым. Никого не слушал. Мне нравилось изучать расписание, сведения о жокеях, стартовые позиции. Ночью в своей комнате я переписывал эту информацию на регистрационные карточки.

Как-то раз я прогулял школу, чтобы двинуть на трек. Взял с собой пару дружков. Смышленные ребята. Мы остались на восемь заездов, и я выбил семь побед. Парни думали, что я Мессия. Отец, заметив меня, отвернулся. Он со мной не разговаривал. Он был в бешенстве от того, что я не пошел в школу. Придя домой, я не сказал ему ни слова. Это не обсуждалось. О выигрыше я тоже не говорил. На следующий день я снова прогулял занятия, вернулся на ипподром и проиграл все.

Но по-настоящему играть я научился на стадионах “Ригли Филд” и “Комиски Парк”. На каждой игре собиралось сотни по две ребят, которые ставили на все подряд. На каждую подачу.

На каждый удар. У всего была цена. Там были парни, которые просто выкрикивали числа. Это было шикарно. Это было казино под открытым небом. Игра не прекращалась.

Если у тебя был талант, ты был немного эгоистичен и знал, во что играешь, то тебе хотелось с ними посоревноваться. У тебя есть немного денег, и ты готов сражаться против всего мира. Там был тип по имени Стейси; ему было за пятьдесят, а карманы его были забиты наличными. Он принимал любые пари. “Эй, парень, забьют они в этом иннинге⁵ или как?” И вместо того, чтобы спасовать, в тебе просыпалась гордость. Ты делал ставку и платил цену. Стейси всегда удавалось развести тебя.

Допустим, Чикаго ведет шесть-два в восьмом иннинге, и ты хочешь поставить на то, что они забьют еще, или на то, что в девятом они проиграют. Или на то, что они заработают два аута одним броском, чтобы завершить иннинг. Или сделают хоум ран⁶ и выиграют. Или сделать ставку на дабл⁷, трипл⁸ или флайаут⁹. На что угодно. Стейси примет ставку на невыгодных для себя условиях. Он примет ставку двадцать пять к одному на хоум ран. Бам! Да, именно так. Флайбол двадцать к одному. Аут восемь к пяти. Если вам хотелось поучаствовать, то вы делали ставку, а он выдвигал условия.

Поначалу я этого не понимал, но каждая из ставок, сделанных Стейси, была со страховкой. Ставки на аут к концу дня были, — я не вспомню реальных цифр, но, скажем, — сто шестьдесят шесть к одному, а не тридцать к одному, как утверждал Стейси.

Ставки на хоум ран после первой подачи могли быть три тысячи к одному вместо семидесяти пяти к одному. И так далее. Закрывая пари со Стейси, нужно было помнить об этом, иначе ты рисковал быть обобранным до нитки.

Когда я освоился, то просто сидел и слушал его ставки, записывал их и вел учет. Чуть позднее я сам начал предлагать пари. За годы, проведенные на стадионах, Стейси успел сколотить небольшое состояние. Он изрядно там поживился. Он был мастером, который умел заставить всех вокруг делать ставки. Он был великим шоуменом.

Тогда не было спортивных каналов, журналов, газет и радиопрограмм, которые вещали бы о тех играх, на которые мы ставили. Если ты был со Среднего Запада, то подробностей об играх Восточного и Западного побережья было так просто не узнать. Ты узнавал итоговый счет и все.

Если ты играешь по-взрослому, то нужно знать куда больше. Я стал читать все подряд. Отец подарил мне коротковолновый радиоприемник, и я часами слушал прямые репортажи игр тех команд, на которые собирался ставить. Я начал выписывать газеты со всей страны и ходил в киоск, где продавались иногородние газеты. Там я и познакомился с Хайми Тузом. Он был легендой, настоящим профессионалом. Он терся у того же киоска и покупал десятки газет, прямо как я. Потом садился в тачку и начинал читать. Мы были похожи, только у меня не было машины. У меня был велик. Скоро мы познакомились. Он знал, чем я занимаюсь.

Хайми был старше меня лет на десять-двенадцать. Я взял за правило всегда здороваться с ним и другими профи и радовался тому, что они все мне отвечали. Я был еще ребенком, но они видели, что я настроен серьезно и что у меня есть потенциал, поэтому были готовы мне помочь. Они были ко мне добры. Пустили меня в свою компанию. Я чувствовал себя просто отлично.

Но я начинал зарываться. Дела шли хорошо, я был в себе уверен. Намечался баскетбольный матч между командами Мичиганского и Северо-Западного университетов. У меня были

⁵ Иннинг (*англ. inning*) в бейсболе, софтболе и в похожих играх — это период игры, поделенный на две части (фрейма): «верх» (*англ. top half*) и «низ» (*англ. bottom half*), во время которых одна команда играет в обороне, а другая в нападении.

⁶ Хоум ран — сильный дальний удар, после которого мяч летит за пределы поля и его становится невозможно поймать.

⁷ Дабл — удар, в результате которого отбивающий сумел добежать до второй базы.

⁸ Трипл — удар, в результате которого отбивающий сумел добежать до третьей базы.

⁹ Флайаут — летящий мяч, пойманный игроками защиты до того, как он коснется земли.

свои люди в обоих учебных заведениях, так что я был в себе уверен. Мне нравилась команда Северо-Запада.

Нет, я не говорю, что она мне *нравилась*. Я не был ее фанатом. На стене моей комнаты не висел их вымпел. Они нравились мне как объект ставки. Для меня все команды сводились к одному – к ставкам. Я с нетерпением ждал этой игры. Смотрел ее. Я поставил на победу Северо-Запада над Мичиганом. Все билеты на матч были распроданы. Я пришел на игру и встретил Хайми Туза. Хайми знал о баскетболе больше всех на свете. Мы обменялись приветствиями. До начала оставалось десять минут.

Я рассказал о своей ставке и спросил о его планах. Я был настолько уверен в информации, которой располагал, что сделал тройную, как я ее называл, ставку – поставил две тысячи долларов. Это был тот максимум, который мне позволяли мои запасы. Обычной ставкой для меня на тот момент были две сотни долларов, двойной – пять сотен, а тройной – две тысячи. Я был ребенком. Это был мой потолок. Мы говорим о тех временах, когда у меня было всего-навсего тысяч восемь.

– Что? – удивленно спросил Хайми. – Почему ты ставишь на Северо-Запад? Ты что, не слыхал о Джонни Грине?

– О ком? – спросил я.

– Джонни Грин. Да что с тобой?

Так вот, Джонни Грин был чернокожим игроком, который весь сезон не попадал в основу. И вот за пару дней до игры он внезапно туда попал. Это прошло мимо меня.

– Грин возьмет все подборы в игре, – сказал Туз, и мое сердце замерло.

Я припустил к телефонам, но будок было всего две, а очередь к каждой растянулась человек на двадцать пять. Надо отказаться от пари. Избавиться от них. Перераспределить. И вот я стою в очереди к телефону, объявляют начало игры, а вместе с ним и мой конец. Уже ничего не изменить.

Я вернулся и занял свое место. Я смотрел за игрой Грина. Как Туз и сказал, он контролировал оба кольца. Прошла половина матча, а я уже увидел достаточно. Мичиган уничтожил Северо-Запад. Туз отлично справился с домашним заданием, а я нет.

Туз не просто знал, что Грин в основе: он знал, что это за игрок, знал, что он хорош в подборе, и знал, что этим они победят Северо-Запад. Грин впоследствии попал в сборную и стал топовым профессиональным игроком.

Я выучил чертовски важный урок. Я понял, что не так умен, как мне кажется. Я позволил себе стать слишком зависимым от людей. Дал им право думать за меня. Я понял, что если хочу посвятить жизнь ставкам, стать врагом лучших букмекеров, то нельзя никого слушать. Если я хочу зарабатывать этим на жизнь, то должен сам обо всем думать и все делать лично.

Я начал со студенческого баскетбола и футбола. Выписывал все университетские газеты и каждый день читал спортивный раздел. Звонил факультетским корреспондентам и выдумывал разнообразные истории, чтобы получить дополнительные крупы информации, которые не попали в газеты.

Поначалу я не говорил им, зачем мне нужна эта информация, но довольно быстро все догадались, и так я познакомился с парой башковитых ребят, которых взял в команду. В случае выигрыша я подогревал их парой баксов, и скоро у меня была своя сеть людей, которые держали меня в курсе подробностей университетских игр.

Повзрослев, я стал ходить на матчи с диктофоном. На меня работали наблюдатели. Я просил нескольких ребят следить за конкретными игроками. Сам я следил всего за двумя или тремя игроками. Остальное меня не интересовало; они должны были следить за тем, за чем я сказал. Потом я забирал у них заметки. Летел в следующий город, где играла команда, и снова смотрел за ее игрой. Сравнивал стартовые составы. Итоговый счет никогда не является основным показателем, на который стоит смотреть, если собираешься выиграть деньги, а не

проиграть их. Я знал, кто из игроков потянул лодыжку и стал медленнее бегать. Знал, кто из нападающих простудился. Чья подружка залетела, а чья ушла к другому типу. Кто курит травку, а кто нюхает кокс. Знал о травмах, о которых не писали в газетах. О травмах, которые игроки скрывали даже от тренера.

И со всей этой информацией мне не составляло труда понять, кто из букмекеров ошибся в коэффициенте. Я не мог их винить. Они следили за кучей видов спорта, за кучей игр. Я сконцентрировался на малой части. Знал все о некотором количестве конкретных игр. И я уяснил очень важную вещь – нельзя ставить на каждую игру. Иногда можно поставить на одну-две из сорока или пятидесяти. Иногда, понял я, за весь уикенд не представлялось возможности сделать хорошую ставку. В таком случае я не делал ставок, а если и ставил, то чисто символически.

Я ошибался в табачной лавке на улице Кинзи. Местом заправляли Джордж и Сэм. На прилавках были выставлены сигары и тому подобное. Но в глубине помещения был телеграф “Вестерн Юнион”, телефонные аппараты и меловая доска для тотализатора. В те дни эти парни первыми получали самую актуальную информацию. Во время бейсбольного сезона окончательный список стартовых питчеров появлялся на доске прямо перед началом игры.

Джо и Сэм были по-настоящему серьезными букмекерами. Они приехали в Чикаго из Тарритауна – поселка в городской черте штата Нью-Йорк. И они получили согласие от тех, кто заправлял букмекерами. Все было на мази. Согласие было получено даже от местного капитана полиции, который разрешил проводить игры в покер, что было незаконно.

Там был бар, они подавали бесплатную еду и напитки. Телеграф стучал не затыкаясь, напоминая тикер¹⁰. Достать аппарат “Вестерн Юнион” было непростой задачей для букмекера. Они предназначались для газетных редакций, но, заполнив нужные бумаги и зная пару хитростей, заполучить его было реально. Тогда я был таким наивным, что даже пытался заказать аппарат домой. Меня послали.

Джордж и Сэм были частниками, но им все равно приходилось платить за крышу. В те времена все игорные дома и букмекерские конторы были обязаны платить. Букмекеры улаживали вопрос с копами, копы улаживали вопрос с организованными бандами. А иногда банды улаживали вопрос с копами. В конце концов, все улаживали между собой все вопросы, и все было прекрасно, пока всем удавалось на этом заработать.

Когда мне было девятнадцать, – продолжил Розенталь, – я устроился клерком в службу спортивных новостей “Анджел-Каплан”, которой владел Билл Каплан. Работа мне очень нравилась. Мы целыми днями висели на телефонах с букмекерами и игроками, давая им линии. Люди со всей страны были связаны друг с другом. У нас были телефоны, подключенные бывшими работниками телефонных компаний к особым каналам связи. Мы знали голоса и позывные друг друга, но со временем узнавались и настоящие имена.

Я все еще был юнцом и жил в Чикаго, когда стал работать на крупнейшего букмекера в Штатах – Джилу Бекли из Ньюпорта, Кентукки. Джил держал под контролем весь Ньюпорт. Легавых. Политиканов. Весь гребанный город.

У Джилы была крупнейшая в Ньюпорте букмекерская компания. На него работали тридцать служащих. Именно к нему все букмекеры страны обращались за тем, чтобы передать свои ставки, если было слишком много желающих заключить пари на тот или иной исход.

К примеру, букмекерам из Далласа приходилось принимать больше ставок на местную команду, чем им было нужно, поскольку противоположный исход был непопулярен, и это приводило к дисбалансу. В таких случаях букмекер звонил Джилу и просил перехватить ставки, а клерки Джилы быстро забирали нужное количество ставок из Далласа, чтобы добиться баланса. Бекли работал по всей стране, поэтому он мог найти достаточно желающих поставить на соперников команды из Далласа для будущей игры, поэтому проблема решалась.

¹⁰ Тикер – биржевой аппарат, передающий котировки ценных бумаг.

Куда бы Джил ни поехал, он всегда был королем. Зимой он отдыхал в Майами. Он мог пригласить на обед двадцать или тридцать ребят одновременно. «Пошли к Джо в «Стоун Краб»!» «Пошли туда!» «Пошли сюда!» Вокруг него всегда была свита, и он всегда сам закрывал счет.

Честно говоря, я общался с Джилом Бекли только по телефону. Через пару лет телефонных разговоров он понял, что я перспективный малый. Беспринципный. Знаток гандикапов. Я начинал обрастать репутацией. Достаточно долго пообщавшись с Бекли, я понял удивительную вещь – Джил Бекли не мог без подсказки ответить на вопрос о том, сколько игроков в бейсбольной команде. Кроме шуток.

Он не мог ответить на этот вопрос. Это его не интересовало. Я серьезно. Микки Мэнтл¹¹? Кто это? Бекли не знал. Даже, мать его, и не догадывался. Впрочем, ему это было не нужно. Он был букмекером и воротилой. Он не играл на ставках. Он просто управлял крупнейшей бухгалтерией страны. Я был поражен.

Скоро я понял, что это не имеет значения. Все, что должен делать букмекер – это держать правильный баланс, забирая свои десять процентов. Не нужно быть экспертом по командам, даже не нужно разбираться в игре. К моему удивлению, это было нормой для многих игроков и букмекеров. У нас в Чикаго был парень, известный как Бенни Ставка. Крупнейший букмекер в городе. Бенни рубил миллионы на ставках, но, как и Бекли, не мог ответить, за кого играет Джо Ди Маджо¹². Правда!

Я делал ставки и получал нужную информацию, и мой приятель Сидни, который тогда был старшим клерком Бенни, в качестве одолжения попросил меня звонить Джилу, если я узнаю об игре что-то, что может повлиять на ее исход, вроде договоренности между командами или травмы одного из игроков.

И вот однажды я узнал о травме, о которой не доложили репортерам. Я позвонил Сидни, но его не было на месте. Зато к телефону подошел Бенни, сам большой босс. Я рассказал Бенни о травмированном игроке. Даже помню, кто это был. Бобби Авила. Игрок второй базы «Кливленд Индианс». Я сказал: «Авила выбыл».

Я хотел предупредить его, чтобы он сбалансировал ставки и не был разорен акулами, которые, уверяю вас, к тому моменту тоже знали об этом.

Бенни выслушал информацию так, как будто понимал, о чем речь, но стоило мне закончить, как он спросил: «А что, игрока на замену у них нет?» Я подумал: «Второго Бобби Авилы? Ты серьезно?» Я не верил своим ушам.

Тем же вечером я встретился с Сидни и спросил, уж не работает ли он на психа. Он ответил, что Бенни неинтересна игра, ему интересны цифры. Бенни был крупнейшим букмекером в Чикаго не потому, что знал об игроках и играх, а потому, что каждый понедельник исправно платил. Неважно, сколько Бенни должен был тебе к выходным, в понедельник он платил. В понедельник его служащий был наготове с конвертом и свежими купюрами. А если ты должен был денег Бенни, то он тебя не торопил. Знал он, кто такой Бобби Авила, или не знал, у него было столько клиентов, что позавидовал бы любой банк».

¹¹ Микки Мэнтл – американский профессиональный бейсболист, был полевым игроком и защитником в команде «Нью-Йорк Янкиз».

¹² Джо Ди Маджо – американский бейсболист. Один из самых выдающихся игроков за всю историю бейсбола. Провел за «Нью-Йорк Янкиз» 13 сезонов.

2

Когда-нибудь я стану боссом целого синдиката

Тони «Муравей» Спилотро вырос в деревянном двухэтажном сером бунгало, который располагался в итальянском районе за пару кварталов от дома Левши. Тони и пятеро его братьев – Винсент, Виктор, Патрик, Джонни и Майкл – делили три двухъярусные кровати в одной комнате.

Пэтси, отец Тони, владел местечком под названием «У Пэтси» на углу Гранд и Огден авеню. Это был небольшой ресторан, где подавали отличные домашние фрикадельки, привлекавшие посетителей со всего города, среди которых можно было встретить Тони Аккардо, Пола «Официанта» Рикку, Сэма Джанкану, Гусси Алекса, Джеки Чероне и других членов синдиката.

«Мы с Тони познакомились еще детьми, – рассказывал Фрэнк Куллотта, ставший членом банды Спилотро. – Мы недолюбливали друг друга. У каждого из нас были коробки-подставки для чистки обуви, и предполагалось, что я буду работать на одной стороне Гранд-авеню, а Тони – на другой. Мы крепко разругались. Он сказал, чтобы я держался своей стороны улицы. Я велел ему держаться своей. Мы дрались. Но в итоге просто разошлись, он остался на своей стороне, а я на своей».

Как и Тони Спилотро, Фрэнк Куллотта появился на свет в южной части Чикаго. Куллотта был вором. Он считался таковым едва ли не с рождения. Он начал обносить склады и квартиры в двенадцать – в тот год, когда его отца убили за рулем машины во время побега после вооруженного ограбления; подобные обстоятельства смерти приравнивались к знаку почета по понятиям квартала.

«Мы с Тони были низкого роста, совсем мелкими, – рассказывал Куллотта. – Он был чуть ниже меня, поэтому я его не боялся. Но рядом с Тони вечно ошивалась куча ребят. За ним по пятам постоянно ходили около пятнадцати парней. Со мной обычно было человек шесть.

Однажды он обсуждал меня со своим братом, и их отец услышал мою фамилию. Он приказал Тони проверить, действительно ли я сын Джо Куллотты.

Мой отец был гангстером-одиночкой, и как-то раз, давным-давно, за отца Спилотро плотно взялись вымогатели из отжившей свое банды итальяшек под названием “Черная рука”. Спилотро-старший отправился к моему старику, и тот решил вопрос. Поэтому, когда оказалось, что я взаправду сын Джо Куллотты, мистер Спилотро объявил об окончании нашей с Тони вражды.

На следующий день Тони подошел ко мне и сказал: “Хочу переговорить с тобой”. Я ответил, что никуда не убегаю, после чего он произнес: “Мой отец и твой отец были друзьями, поэтому мы с тобой будем друзьями навсегда”.

Мой отец крутил баранку в одной преступной шайке. Он считался лучшим водителем в городе; никто даже и близко не мог подойти к его уровню. Поговаривали, что задним ходом он ездил быстрее, чем большинство людей на передних передачах. Как бы там ни было, мой отец умер за рулем во время погони. Его не застрелили во время разборки. Была полицейская погоня, и его убили.

Став друзьями, мы с Тони не расставались ни на минуту. Я торчал у него дома чуть ли не больше, чем у себя. Несмотря на то, что Антуанетта, мать Тони, была настоящей ведьмой, я вечно гостил у них. Она постоянно смотрела на меня, как на прокаженного. Когда я появлялся на пороге, она злобно командовала: “Сядь здесь!”, не предлагая даже стакана воды. Тони был стальным парнем. Он так держал удар, что его брат Виктор предлагал пять баксов любому, кто надерет ему задницу. Обычно Виктор быстро находил желающего попробовать свои силы, но,

если нам казалось, что Тони вот-вот проиграет, мы всей толпой впрыгивали в драку и давали жару.

Мы с Тони воровали вместе. Катались на угнанных тачках. И ненавидели школу. Нам приходилось посещать профтехшколу, где учились одни черные.

Неподалеку находился еврейский квартал, где была куча складов, поэтому мы с Тони частенько брали пару ребят на подмогу, обчищали помещения и прыгали либо в трамвай, либо в угнанную тачку, запаркованную рядом. Все награбленное мы привозили к себе в квартал и продавали.

Мы часто дрались с черными, и однажды они напали на Тони, когда меня не было рядом. У Тони был с собой нож, он пырнул им одного из черных. Все прекрасно знали, что это сделал Тони, но парень не стал выдвигать обвинений.

Неделю спустя уже я ввязался в драку и загремел в исправительную школу на шесть месяцев. Моя мать навещала меня при любой возможности. Надеялась на мое исправление.

Когда я вернулся, Тони успел связаться с блондинистым парнем по имени Джо Хансен, поэтому я присоединился к Поли Широ и Беспорядочному Бобу, которые занимались вооруженными ограблениями. Однажды Тони увидел, как за нами гонится полицейский автомобиль, это было после перестрелки с тремя парнями в одном баре. Тони отыскал меня. Мы никого не убили, только ранили, но Тони объяснил, что нам надо разобрать пушки на части и выкинуть их в реку Де-Плейн.

Он сказал: «Парни, вам это не по зубам, вас завалят. Подумайте лучше об ограблениях банков». После этого он рассказал нам, как он грабит банковских посыльных. Тони отправлял одного парня внутрь банка, а другого ставил снаружи. Парень внутри наблюдал за посетителями и выискивал людей, забирающих крупные суммы денег на коммерческие нужды или для обналички чеков клиентов – впрочем, это не имело значения. В сумке обычно находилось от трех до двенадцати тысяч.

Когда эти люди выходили из банка, парень, стоящий снаружи, смотрел, куда они направились. Затем люди Тони отслеживали их до тех пор, пока не раскрывали полный маршрут – обычно путь был один и тот же. В следующий раз их уже поджидали, где надо. Представьте – парням по семнадцать-восемнадцать лет, и они делают по двадцать пять кусков в месяц на каждого.

Мы подружились, и дела шли просто отлично. Настолько, что мы решили выйти в свет и прикупить новые тачки. Мне запомнился один эпизод, когда я подкатил на новеньком кадиллаке к закусочной «Марк Севен», где мы тогда болтались.

Тони вышел из закусочной. Он посмотрел на припаркованные машины и произнес: «Готов поспорить на любые деньги, я знаю, чья это тачка». Все молчали. Он спросил, моя ли это тачка, и я ответил: «Ну а чья же еще».

«Ну, – произнес он, – вам нельзя иметь такие тачки. Они будут крайне недовольны». Теперь я понимаю, что он имел в виду членов синдиката.

Я показал Тони пачку купюр. «Взгляни на эту котлету, Тони, – сказал я. – Мы воруем, но не имеем права наслаждаться бабками и покупать на них любую хрень, которую захотим?»

Он ответил: «Я это понимаю, но они – нет. Они хотят, чтобы мы ездили на фордах и шевии».

Я не видел в этом ни малейшего смысла. Ты воруешь и идешь на риск исключительно ради денег, но Тони больше не хотел быть обычным вором. Он хотел стать рэкетиром.

Не прошло и двух лет, как Тони связался с парнем по имени Винни «Святой» Инсерро, который был еще ниже, чем сам Тони. Полутораметровый рост не помешал Святому замолвить словечко за Тони перед такими членами синдиката, как Турок (Джимми Торелло), Чаки (Чарльз Николетти), Милуоки Фил (Феликс Алдеризьо), Картошка (Уильям Даддано), Джоуи

Клоун (Джозеф Ломбардо) и Джо Траурный Голубь (Джозеф Аюппа), который позже стал боссом синдиката.

Пока эти парни набирали обороты, Тони держался рядышком. Он выполнял все их приказы. “Брахма, – сказал он мне однажды (он называл меня Брахмой, поскольку своим телосложением я напоминал быка). – Брахма, – произнес он. – когда-нибудь я стану боссом целого синдиката”.

Мне было побоку. Меня больше интересовали деньги. Веселье. Но Тони ждал возможности заработать себе репутацию, и вскоре она ему представилась в виде парочки задиристых бандитов: Билли Маккарти и Джимми Миральи. Я выполнял с ними кое-какую работу. Они часто зависали в ресторане синдиката на Мангейм-Роуд, где их любимым делом было нагрудиться алкоголем и вступить в перебранку с Филли и Ронни Скальво.

Короче, однажды вечером Билли Маккарти снова отправился выпивать в тот бар и устроил очередную перепалку с братьями Скальво, а неделю спустя Джимми Миральи в том же баре ввязался в еще более жесткий конфликт со Скальво прямо на глазах у жены.

Когда в следующий раз я увидел Маккарти и Миралью, они сообщили, что собираются убить братьев Скальво. Я сказал, что они съехали с катушек. Если синдикат прознает, что они убили Скальво без разрешения, то они покойники.

Я узнал обо всем на следующее утро, примерно в полвосьмого, когда ехал домой. Я слушал радио, и в экстренном выпуске новостей сообщили, что в Элмвуд-Парке ранним утром были найдены тела двух мужчин и одной женщины, застреленных в традициях гангстеров. Сообщили и имена погибших.

Я знал, что должна грянуть буря. Во-первых, Маккарти и Миральи не получили разрешение на убийство. Во-вторых, Элмвуд-Парк однозначно был последним местом для совершения расправы. Два прокола из двух. Я начал беспокоиться за свою безопасность, поскольку всем было известно, что у меня были дела с этими ребятами.

В тот день Спилотро позвонил и попросил меня о встрече. Мы пересеклись в боулинг-клубе. Тони был предельно серьезен. Было видно, что он действует по поручению парней из синдиката. Я знал, что это именно тот шанс, которого он ждал, и мне не хотелось становиться его входным билетом.

У меня с собой было две пушки, для пущей уверенности. Два короткоствольных револьвера тридцать восьмого калибра.

Я был напуган и готов к неприятностям. Когда Тони пришел, он сразу объяснил, что я вне опасности, но мне нужно было позвонить Маккарти домой и назначить встречу на вечер. Я должен был выдумать историю о намечающемся крупном дельце.

Я не хотел звонить, поскольку прекрасно понимал, что дело Маккарти труба. Но Тони уверил меня в обратном. Он всего лишь хотел получить больше информации о ситуации с братьями Скальво. Не более. Ему нужно было коротко переговорить с Маккарти.

Я не рассказывал Тони об угрозах Маккарти и Миральи, а поскольку он не просил звонить Миралье, я понадеялся, что парни из синдиката до сих пор не уверены, чьих рук было дело.

Я набрал номер, и трубку взяла жена Билли. Она сказала: “Привет, Фрэнки!” и передала трубку Билли. Я назначил встречу в “Чикен Хаус”, рядом с Мелроуз-Парк, еще одной вотчиной синдиката. Рассказал Билли, что придумал, как сорвать большой куш.

В итоге он согласился приехать, при этом Тони стоял прямо у меня за плечом во время всего разговора. Думаю, Тони подошел так близко, чтобы удостовериться, что я не намекну Маккарти на совершенно другой характер встречи.

Тони не выпускал меня из виду до самого вечера. Примерно в восемь тридцать мы выдвинулись в сторону “Чикен Хауса” на моей машине, но по пути остановились у другого ресторана.

До пункта назначения мы так и не добрались; Тони заставил меня подъехать вглубь парковки, где нас ждал темно-синий форд с каким-то парнем за рулем.

В форде нас поджидал Винни Инсерро. Святой собственной персоной. Мы подъехали к его машине, и Тони подошел к водительской двери. Они переговорили с минуту, после чего Тони вернулся и приказал мне дожидаться его в машине вместе со Святым.

Затем Тони запрыгнул в мою тачку и уехал прочь. Я просидел со Святым около сорока минут. Все это время я не убирал руки с пушки. Машина, в которой мы находились, вне всяких сомнений предназначалась для рабочих целей, и мы со Святым не проронили ни слова за все время ожидания.

Тони подкатил примерно через сорок минут на моей тачке. Он подошел к форду и попросил Святого отвезти его обратно к “Чикен Хаусу”, чтобы отогнать тачку Билли Маккарти. Тони также отметил, что все прошло отлично. Когда они уехали, я сел в свою машину и отправился домой.

На следующий день у меня зазвенел телефон. Звонила жена Билли. Она спросила, не видел ли я Билли прошлым вечером. Я ответил отрицательно и поинтересовался, что случилось. Она сказала, что Билли любил пропадать на всю ночь без предупреждения, но вчера он взял машину ее отца, и в таких случаях всегда вел себя более ответственно.

Я пообещал ей, что попытаюсь отыскать Билли. Я был по-настоящему встревожен. Мне уже стало ясно, что последует дальше. Я перестал выходить из дома без ствола. На четвертый день после исчезновения Билли я наткнулся на Джимми Миралью в ресторане “Колони Хаус”. Он был с женой.

Я отвел его в сторонку для разговора. Спросил, не видел ли он Билли в последние три дня. Он ответил отрицательно, на что я посоветовал ему валить из города как можно скорее. Он рассмеялся и спросил: “Зачем? Мне нечего скрывать и не от кого бежать”.

Два дня спустя Джимми Миралья исчез. Одиннадцать дней спустя тела обоих бандитов были обнаружены в багажнике машины Джимми.

Через неделю после того, как тела бандитов нашлись, позвонил Тони. Он был взбудоражен. Ему хотелось поговорить.

Он рассказал мне, как заманил Билли Маккарти в западную у “Чикен Хауса” в тот вечер, когда я сидел в машине со Святым. Он запарковал мою машину прямо перед входом в заведение, и когда Билли пришел, он подумал, что я уже внутри. Однако внутри перед ним нарисовался Тони.

Билли спросил у Тони обо мне, и Тони ответил, что тоже ждет меня, сославшись на мою припаркованную машину. Они немного потрепались о том о сем, после чего решили выйти наружу, как бы устав от долгого ожидания.

Как только они вышли из двери, Чаки Николетти и Милуоки Фил Алдеризио сразу обступили Билли. Тони схватил Билли, и они втроем затолкали его в другую машину. После этого парень понял, что настал конец. Чаки и Фил пользовались известной славой. Они были на пятнадцать-двадцать лет старше Тони. Если они пришли за тобой, то пути обратно нет.

Они знали, что у Билли есть с собой пушка, поэтому сразу его обыскали. Затем уложили его на пол машины и двинулись в путь.

После этого Тони вернулся на моей машине на парковку, где мы поменялись обратно. Он запрыгнул в машину к Святому, а я отправился домой.

Тони рассказал, что Святой сперва отвез их в мастерскую, где они связали Билли. Затем Святой отправил машину Билли под пресс.

Тони объяснил, что они не пришли Билли прямо на месте, поскольку нужно было узнать имя сообщника убийства братьев Скальво. Он сказал, что им очень долго пришлось пытаться Билли – он никак не хотел сдавать подельника. Они избили его. Отпинали ногами. Даже про-

ткнули ему яйца ножом для колки льда, но Билли молчал. Тони сказал, что никогда не встречал человека упрямее, чем Билли Маккарти.

В конце концов, как рассказал Тони, он отволол Билли к верстаку, поместил голову бедняги в тиски и начал постепенно их сжимать.

Тони сказал, что под наблюдением Фила и Чаки он продолжал крутить тиски до тех пор, пока голова Билли не начала трещать и у него не выскочил один глаз. Именно тогда Билли и сдал Джимми Миралью.

По интонациям Тони казалось, что он очень гордится своими подвигами той ночью. Думаю, это было его первое убийство. Он выполнил задание синдиката. Тогда я воспринял это именно так. Он же считал, что поучаствовал в мафиозной разборке. Я помню, что он был в настоящем восторге от Чаки Николетти.

“Я тебе говорю, у него нет сердца, – отозвался о нем Тони. – Этот парень уплетал пасту, когда у Билли лопались глаза”».

3

Панский эдикт

Левша не имел ничего общего с беспощадной стороной бизнеса синдиката. Он, как и Спилотро, вырос среди многих боссов, однако был поставщиком услуг другого рода. Розенталь помогал синдикату делать выигрышные ставки на самые вероятные исходы.

Согласно сведениям федералов, Фиоре «Фифи» Буччиери, босс синдиката в западной части Чикаго, был одним из тех, кто больше всего нажился на ранних проявлениях букмекерских талантов Левши. Это был мужчина плотного телосложения и ученого вида, в очках и с частичным протезом верхней челюсти. Преступную карьеру он начал еще несовершеннолетним, а к девятнадцати ему удалось стать одним из самых известных бойцов Аль Капоне. Копы взяли за него в 1925 году, предъявив обвинения в вымогательстве, подкупе, краже и убийстве. В итоге он был признан виновным лишь по одному эпизоду ограбления со взломом, который сократили до мелкой кражи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.